

Предисловие.

29 сентября 1870 г. Покидая Лион в сопровождении Валенция Ланкиевича[1]* и направляясь в Марсель после неудачи только что имевшего место революционного движения, Бакунин написал Паликсу[2] письмо. Приводим существенные выдержки из него[3]

"Мой дорогой друг,

Я не хочу уехать из Лиона, не сказав тебе последнего "прости". Осторожность не позволяет мне придти пожать тебе в последний раз руку. Мне больше нечего делать здесь. Я приехал в Лион, чтобы сражаться или умереть с вами. Я приехал потому, что глубоко убежден, что дело Франции в этот торжественный час, когда поставлен вопрос о самом ее существовании, снова сделалось делом человечества.

Я принял участие во вчерашнем движении и подписал свое имя под резолюциями Комитета Спасения Франции[4]* потому, что для меня очевидно, что после действительного, фактического разрушения всей административной и правящей машины лишь непосредственная и революционная деятельность народа может спасти Францию. Вчерашнее движение, если бы оно победило - а оно было бы победоносным, если бы генерал Кюзере не предал дело народа - это движение, заместив Лионский муниципалитет, наполовину реакционный и наполовину неспособный, революционным Комитетом, выражающим непосредственно волю народа, могло спасти Лион и Францию. Дорогой друг, я покидаю Лион, с сердцем, полным печали и мрачных предчувствий. Я начинаю теперь думать, что с Францией покончено. Она сделается немецким вице-королевством.

Вместо ее живого и реального социализма у нее будет доктринерский социализм немцев, которые скажут лишь то, что им разрешат сказать немецкие штыки. Бюрократическое и военное разумение Пруссии в союзе с кнутом С-Петербургского царя[5]* обеспечат спокойствие и общественный порядок на всем Европейском континенте по меньшей мере в продолжении пятидесяти лет. Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности. Все это могло бы явиться результатом современного бедствия Франции. Все это должно было бы вытекать из него, если бы только народ Франции, народ Лиона захотел!

Но не будем больше говорить об этом. Моя совесть подсказывает мне, что я выполнил свой долг до конца. Мои лионские друзья также знают это, а остальным я пренебрегаю. Теперь, дорогой друг, перехожу к чисто личному вопросу...[6]* Мне остается лишь расцеловать тебя и вместе с тобой пожелать всего наилучшего бедной Франции, покинутой даже ее собственным народом".

В Марселе Бакунин надеялся найти элементы другой революционной попытки; он думал даже, что новое движение было бы возможно в Лионе. 8 октября он писал одному молодому другу, Эмилю Беллеро: "Дело только отложено. Друзья, сделавшись более осторожными,

более практичными, деятельно работают как в Лионе, так и в Марселе и скоро мы добьемся реванша под носом у пруссаков... Все, что я вижу здесь, лишь подтверждает мое прежнее мнение о буржуазии: степень ее глупости и подлости превосходит всякое воображение. Народ готов умереть в решительной битве с пруссаками. Они же, напротив, они хотят, они призывают пруссаков в тайниках своего сердца, в надежде, что пруссаки освободят их от патриотизма народа... Я заканчиваю очень подробную брошюру обо всех этих событиях и скоро пришлю ее вам. Выслали ли вам из Женевы, как я просил, мою брошюру под заглавием: Письма к французу?"

Несколько дней спустя, он отправил в Лион Ланкиевича с письмом к своим лионским друзьям, в котором писал:

"Дорогие друзья, Марсель поднимется лишь когда восстанет Лион или же когда пруссаки будут в двух днях пути до Марселя. Значит, еще раз спасение Франции зависит от Лиона. Вам остается три или четыре дня, чтобы делать революцию, которая может все спасти... Если вы думаете, что мое присутствие может быть полезно, телеграфируйте в Лион Комбу следующие слова: Nous attendons Etienne (мы ждем Этьена). Я сейчас же выеду".

Но Ланкиевич был арестован[7]* и бумаги, взятые у него, повели к аресту многих лионских революционеров. Вследствие этого неприятного обстоятельства и ввиду того, что его марсельские друзья также находились под угрозой ареста, Бакунин написал 16 октября Огареву, прося у него денег, чтобы иметь возможность, в случае надобности, самому ускользнуть от розыска полиции, в Барселоне или Генуе. В ожидании, он использовал вынужденный досуг в своем убежище (маленькая квартирка в квартале Фаро) для составления брошюры, о которой писал Беллерио; она должна была быть продолжением "Писем к французу". Он уничтожил стр. 81 bis-125 первоначальной рукописи, считая их устаревшими. И для начала этой второй брошюры, в 114 стр., он воспользовался самым текстом начала действительного письма, написанного им Паликсу 29 сентября:

"Мой дорогой друг,

"Я не хочу уехать из Лиона, не сказав тебе последнего "прости" и т. д..

23 октября, он написал своему другу Сентиньону, перебравшемуся из Барселоны в Лион, чтобы принять участие в новом революционном движении, которое рассчитывали вызвать там.

В этом письме, извещая о своем отъезде из Марселя, он говорит:

"Я должен покинуть это место потому, что мне тут решительно нечего делать, и я сомневаюсь, чтобы ты нашел какое-нибудь дело в Лионе. Мой дорогой, я больше совсем не верю в революцию во Франции. Сам народ сделался там доктринером, резонером и буржуа, не хуже настоящих буржуа... Я покидаю эту страну с глубоким отчаянием в сердце. Напрасно я стараюсь убедить себя в противном, - я действительно думаю, что Франция потеряна, сданная пруссакам вследствие неспособности, подлости и скаредности буржуазии".

На другой день, 24-го, Бакунин переодетый отправился в Геную: "он сбрил бороду и свои длинные волосы, писал один друг, провожавший его до корабля[8]*, и напялил на глаза синие очки. Преображенный таким образом, он взглянул в зеркало и сказал, говоря о своих преследователях: "Эти иезуиты заставляют меня принять их облик". Три или четыре дня спустя, он прибыл в Локарно.

В своем убежище Бакунин сейчас же предпринял новый труд, оставив незаконченной рукопись в 114 стр., начатую в Марселе.

Это новое сочинение должно было также быть продолжением "Писем к французам" и тоже начиналось воспроизведением письма Паликсу от 29-го сентября. Он условился со своими женевскими друзьями, чтобы книга, над которой он работал, могла быть напечатана в этом городе в кооперативной типографии. Из одного русского письма, адресованного Огареву 19 ноября, видно, что к этому времени он уже послал ему часть рукописи и что он закончил еще около сорока других листков. Он писал: "Если я не посылаю их тебе сейчас же, так это потому, что мне необходимо иметь их под рукой пока я не закончу изложение одного очень деликатного вопроса[9]и я еще далеко не предвижу конца моей работы... Это будет не брошюра, но целый том. Знают ли об этом в кооперативной типографии?... Озеров[10]пишет мне, что ты берешь на себя корректуру. Прошу тебя, мой друг, попроси Жуковского помочь тебе.. и немедленно передай ему прилагаемое письмо."

Жуковскому[11]*он писал: "Я пишу и печатаю теперь не брошюру, но целую книгу. Огарев взялся напечатать ее и править корректуру. Но у него одного не хватит сил, помоги ему, прошу тебя, во имя нашей старой дружбы".

Однако Бакунин, не продумав предварительно план своей книги, пустился в одно из тех отступлений, которые были для него так привычны и порою заставляли его забывать отправную точку: начиная с 105 листка, рукопись получила заглавие (надписанное автором позже, когда он решил дать этим страницам другое назначение): Приложение, философское рассуждение о божественном призраке, о реальном мире и о человеке". (Appendice, considerations philosophiques sur le tantome divin, sur le monde reel et sur l'homme)

Он довел эту рукопись до 256 листка, затем, заметив, без сомнения, что зашел в тупик, он изменил свой план, отказавшись от продолжения начатой философской диссертации (это было, в большей своей части, исследование системы Огюста Конта).

Из написанного он сохранил 80 первых страниц и, отложив в сторону листки 81-256, приложил к стр. 80-й новый листок 81-й, сделавшийся отправным пунктом иного развития этих идей[12]*, после чего продолжал свою работу в этом новом направлении. Это изменение произошло лишь в феврале 1871 г.

Когда, после почти четырехмесячного перерыва наших письменных сношений, я снова вступил в переписку с Бакуниным, - около середины января 1871 г.- я предложил ему свои услуги по части наблюдения за печатанием его труда. Так как книга печаталась в Женеве, он просил меня, вместо чтения корректуры, просмотреть рукопись до набора. И с 9-го февраля 1871 г. он высылал мне, по мере того, как писал, новые листки, следующие за 80-й

стр. Я прочел их и сделал несколько грамматических исправлений. Эти присылки продолжались до 18-го марта, когда я получил листки 273-285. Таким образом были набраны только двести десять первых листков. Сочинение должно было называться: "La Revolution Sociale ou la dtctature militairre" (Социальная революция или военная диктатура).

18-го марта Бакунин отправился во Флоренцию, куда его призывали личные дела. Он вернулся в Локарно 3-го апреля 5-го апреля он писал Огареву (по русски, письмо напечатанное в переписке) по поводу Парижской Коммуны: "Что думаешь ты об этом движении отчаяния Парижан? Каков бы ни был его исход, нужно признать, что они - молодцы. В Париже нашлось то, чего мы тщетно искали в Лионе и в Марселе: организация и люди, решившиеся идти до конца".

Затем он говорил о своей книге, несколько отпечатанных листов которой он получил через Огарева: "Почему печатают мою книгу на такой серой и грязной бумаге? Я хотел бы дать ей другое название: Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция. Если выпуск еще не закончен - перемените". 9-го апреля он писал: "Первый выпуск должен состоять из восьми листов... Продолжают ли их печатать и достаточно ли денег, чтобы оплатить эти восемь листов? Если нет, какие шаги предприняты для того, чтобы добыть их? Ты, старый друг, наблюдай за тем, чтобы печатание шло хорошо, без ошибок."

16-го апреля он снова написал Огареву одно из самых интересных писем. Стоит привести целиком ту часть его, которая относится к печатавшемуся труду. Из нее видно мнение самого автора о сущности и о значении этого труда. Характерно и то, как Бакунин отзывался о себе самом (это письмо - по какой то странной случайности - опущено во французском переводе его Переписки):

"Ты пишешь мне, что решили сделать первый выпуск в пять листов. Но ты написал это до получения моего последнего письма[13]*, в котором я умолял, советовал, просил, требовал, наконец, чтобы первый выпуск заключал в себе также всю историю Германии, до крестьянского бунта включительно и чтобы этот выпуск заканчивался перед главою, которую я окрестил: Исторические софизмы немецких коммунистов. Я указывал также, что возможно, что это заглавие было изменено или зачеркнуто Гильомом, но не настолько же, конечно, чтобы вы не могли прочесть его. Одним словом, выпуск должен оканчиваться там, где начинаются или, скорее, раньше, чем начинаются философские рассуждения о свободе, человеческом развитии, идеализме и материализме и т. д. Умоляю тебя, Огарев, и вас всех, принимающих участие в издании тома, сделайте, как я вас прошу: это для меня абсолютно необходимо.

Вмещая таким образом в себе всю историю Германии, с крестьянским бунтом, первый выпуск будет в шесть, семь и, может быть, восемь листов. Я не могу высчитать здесь, но вы легко это сделаете. Если он будет больше, чем вы думали раньше, - неважно, ибо ведь ты сам говоришь, что денег имеется на десять листов. Но что может случиться, так это, что материала, предназначенного мною для первого выпуска, не хватит для совершенного заполнения последнего листа (6-го, 7-го или 8-го). Тогда вот что следует сделать:

1. Вышлите мне обратно весь остаток рукописи, т.-е. все, что не войдет в первый выпуск, до 285 листка включительно.
2. Пришлите мне в то же время последний листок той части, которая должна составить первый выпуск (оригинал или копию с указанием нумерации, если ктонибудь будет настолько любезен, что перепишет этот листок). В то же время, попросите в типографии, чтобы сделали подсчет числа моих листков, необходимых для окончания листа. Я тотчас же прибавлю все, что нужно[14]*и два дня спустя, не позже, я вам вышлю то, что напишу. Но не забудь прислать мне этот последний листок, без которого мне будет невозможно писать продолжение.

Прошу тебя, Огарев, сделай милость, удовлетвори мою просьбу, мое законное требование и устрой точно и быстро то, о чем я тебя прошу, и так, как прошу.

Еще раз: это мне необходимо, я тебе объясню почему - при нашем свидании, которое, надеюсь, произойдет скоро.

Ты все требуешь у меня конец. Дорогой друг, я незамедлительно вышлю тебе материал для второго выпуска в восемь листов[15]*и все же это еще не будет концом. Пойми же, что я начал, думая написать брошюру, а кончаю книгой. Это чудовищно, да что же делать, раз я сам чудовище? Но книга, хотя и чудовищна, будет жизненной и полезной для чтения. Она почти целиком написана. Остается лишь отделать ее. Это моя первая и последняя книга, мое завещание. Поэтому, мой дорогой друг, не противоречь мне. Ты знаешь, невозможно отказаться от дорогого проекта, от последней идеи, или даже изменить их. Гони природу в дверь, она войдет в окно. Остается лишь вопрос денежный. Набрали всего на десять листов, будет же не менее двадцати четырех. Но не беспокойся: я принял меры для того, чтобы собрать необходимую сумму. Существенно, что сейчас есть достаточно денег для напечатания первого выпуска в восемь листов. Итак, печатайте и издавайте смело этот первый выпуск, таким, как я вас прошу (а не таким, как вы проектировали). Бог посылает день, Бог даст и хлеба.

Мне кажется, это ясно. Сделайте же, как я прошу, быстро и точно, и все будет хорошо.

...И если возможно еще изменить, назовите мою книгу так: Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция".

Автору не понадобилось писать еще, распространяя содержание последнего листка части рукописи, предназначенной для первого выпуска. Случилось так, что этот листок, помеченный - 138, соответствовал 119 странице печатного текста, посередине восьмого листа, так, что можно было разрезать его на указанном месте.

Итак, в последних числах апреля закончили выпуск брошюры в тысяче экземпляров, сделав его в семь с половиной листов.

Увы, когда Бакунин получил этот первый выпуск, он отступил в ужасе. Отчаянные опечатки громоздились на каждой странице[16]*.

Бакунин попросил меня немедленно отпечатать список опечаток (Errata), который он, в порыве гнева, не хотел даже заказывать в кооперативной типографии. Я отдал в набор и печать перечень опечаток, который он мне прислал. Затем, по получении из Женевы рукописи выпуска, о чем я просил, чтобы иметь возможность сравнить печатное с оригиналом, я сделал еще добавление к Errata, указав лишь наиболее необходимые исправления. Кроме того, я отпечатал, по просьбе автора, красную обложку, с заглавием: "Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция, Михаила Бакунина. Первый выпуск. Женева, у всех книготорговцев. 1871". И этой обложкой была заменена прежняя - простая цветная рубашка, подклеенная к брошюре в Женеве.

Бакунин, живший в Швейцарской Юре (в Сонвиллье и в Локле) с 23 апреля по 29 мая, вернулся в Локарно 1 июня 1871 г. Он взял у меня листки 139-285 своей рукописи, чтобы обработать их^{[17]*}, и немного дней спустя после своего возвращения он принялся, - как видно из его записной книжки, - за составление Предисловия для второго выпуска Кнуто-Германской Империи. Он написал всего четырнадцать листов.

Необходимые для издания этого второго выпуска деньги не могли, к сожалению, быть собраны в то время. И скоро, увлеченный другими занятиями, своей полемикой в Мадзини, затем своей борьбой с Карлом Марксом, Бакунин отказался от продолжения издания этого труда, который одно время был так близок его сердцу и о котором он сказал Огареву, что это "его завещание".

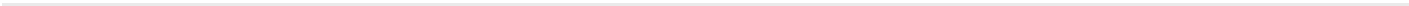
Одиннадцать лет спустя, в 1882 г., шесть лет после смерти Бакунина, листки 149-247 рукописи (за исключением потерянных листов 211-213) были напечатаны в Женеве заботами Карло Кафиеро и Элизе Реклю, под заглавием их собственного изобретения: "Бог и Государство". Два издателя и не подозревали, что листки, озаглавленные ими так, были отрывком того, что должно было образовать второй выпуск "Кнуто-Германской Империи". Листки 248-285 еще не изданы. Бакунин написал еще, я не знаю, когда именно, пятьдесят пять новых листов, помеченных 286-340, которые представляют из себя длинное примечание, относящееся к последней фразе 285 листа. Содержимое этих пятидесяти пяти листов было издано в 1895 г. д-ром Максом Неттлау - под тем же заглавием "Бог и Государство", которое выбрали и издатели 149-247 листов на страницах 263-326 тома, озаглавленного Michel Bakounine: OEuvres (Pans, Stock).

Что же касается четырнадцати листов, написанных в июне-июле 1871 г. для Предисловия ко второму выпуску, начало этого предисловия появилось под заглавием "Парижская Коммуна и понятие о Государственности", благодаря Элизе Реклю, в Женевском "Travailleur" ("Работник") в 1878 г.

Полное содержимое 14 листов было издано затем в Париже в 1892 г., под тем же заглавием, Бернардом Лазар в "Политических и Литературных Разговорах". Другая маленькая незаконченная рукопись (48 рукописных страниц), названная "Предостережение" также была предназначена служить предисловием либо для второго выпуска Кнуто-Германской Империи, либо, скорее, ко всему труду на случай полного издания с перепечаткой первого выпуска. Она также была составлена во второй половине 1871 г., после Коммуны; она осталась неизданной.

Дж. Гильом.

1907 г.

Версия #1

создал 2 мая 2025 00:39:10
обновил 2 мая 2025 00:39:23